

УДК 82.0(091)

ПОЭТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ «О СКРЫТОМ СМЫСЛЕ» ТАТАРСКОГО ПОЭТА-СУФИЯ АБУЛЬМАНИХА КАРГАЛЫЙ

А.А. Хасавнех, кандидат филологических наук

Притча о споре византийцев (или в некоторых трактовках – ромейцев) в полной версии была рассказана в «Маснави» Дж.Руми (1207–1273). События, переданные в этом произведении, по всей видимости, происходили на территории древнегреческой Иконии. Согласно поверьям, именно в Иконии Персей, глядя в свой щит как в зеркало, отрубил голову Медузе Горгоне. «Он видел ее отражение – образ, «эйкон», но не видел её самоё» [3]. Однако образ «железного щита» как зеркала был впервые передан в поэтической поэме «Искандернаме» Низами (1141–1209), предшественника Дж.Руми. С тех пор на данный сюжет было создано немало назира, одной из них является «Восьмой рассказ» (*Хикайат-е самин*) татарского поэта-суфия А.Каргалый (1782–после 1833), вошедший в его поэтический сборник «Тәржемәи хажи Әбелмәних...». Это произведение, которое мы условно назовем «О скрытом смысле», состоит из 31 строфы, включая завершающие 8 строф – комментарий автора.

Однажды две группы из китайцев и ромейцев пришли к царю. Они решили продемонстрировать свое искусство с тем, чтобы завоевать расположение правителя и его милость. Между этими представителями двух народов и культур завязался спор: кто из них более искусен и умел. Одни из них разгорячились и стали утверждать, что смогут украсить дворец таким образом, что он станет

краше дворца царя Шаддада. Царь разрешил их спор следующим образом: он велел украсить две стены его дворца и тем самым выявить, кто на что способен. Китайцам и ромейцам указали стены друг против друга, при этом между ними поставили завесу. Ромейцы, заняв свою сторону, тут же принялись за дело и стали активно разрисовывать стену множеством красок. Китайцы же повесили на свою стену зеркало. Когда ромейцы закончили картину, они громко об этом объявили; китайцы также сказали, что готовы продемонстрировать свое творение. Когда царь вошел к китайцам, то пораженно воскликнул: «Вот диво, нет на вашей стене ни одного изображения!» Китайцы же попросили снять завесу, отделяющую их от ромейцев. И когда завеса была снята, то взорам присутствующих приоткрылось отображенное в зеркале великолепное изображение узоров и разноцветных птиц, созданное ромейцами. Все были до глубины души поражены увиденным великолепием. Царь воскликнул: «Бәрәкалла!» (Да благословит Аллах!), и китайцы были удостоены тысяч восхвалений и похвал.

В данном произведении татарского поэта мы не усматриваем вольную трактовку известной восточной притчи. Сюжетная линия, развитие эпизодов и действий сохранены в определенных рамках. Это и понятно, ведь речь идет о литературном произведении сугубо суфийского содержа-

ния, где любое отклонение от сюжета или вольная трактовка того или иного персонажа или действия могли бы исказить общий смысл притчи. Однако, говоря о данном произведении татарского автора, надо обратить внимание на четыре важных момента.

Во-первых, в самом начале «Восьмого рассказа» (*Хикайат-е самин*) А.Каргалый отмечает, что эту прекрасную притчу рассказал в свое время Абу Хамид Газали (1058–1111): *Хәҗжәт-әл-ислам Газали хәзрәте Диде бер көн бу гүзәл хикәяте* [2, с. 38]. (**Хазрат Газали – художат ал-ислам Однажды рассказал этот прекрасный рассказ**). Однако, как мы отметили выше, притча принадлежит перу Дж.Руми. У Абу Хамида Газали же, автора многочисленных поэм и притч, данный сюжет о византийцах и китайцах отсутствует.

Вторым весьма важным и отличительным моментом произведения татарского поэта является то, что стену не очищают от ржавчины и не полируют, как представлено это в произведении Дж.Руми, на стену вывешивают зеркало. Ведь в то время, когда жил и творил великий мастер пера Востока, зеркало, как предмет обихода, еще не применяли, его изобрели чуть позже – в 1279 году. Однако же суть от этого не меняется: и отполированная стена, и зеркало в произведениях Дж.Руми и А.Каргалый символизируют сердце чистого и праведного суфия, очищенное от мирских страстей, отражающее Бога и Его творения. Таким образом, зеркало в произведении А.Каргалый является центральным образом.

Примечательно, что образ железного зеркала (речь идет о железном щите – А.Х.) до Джалалуддина Руми использовал в своей легендарной поэме «Искандернаме» Низами. Причем автор поэмы, который сам, как известно, не являлся суфийским поэтом, трактует этот образ в духе учения

суфиев. В речи Сократа, обращенной к Александру Македонскому (Искандеру), чистая, ясная душа предстает в образе зеркала. В словах греческого мудреца красной нитью проходит мотив «очистки сердца от ржавчины» с тем, чтобы в ней отразился окружающий мир: *«Ты ведь создал железное зеркало. В нем отразился твой ум светозарным огнем; / Ты и душу свою мог бы сделать прекрасной, Словно зеркало чистой, как зеркало ясной, / Если встарь сотворил ты железную гладь, Чтобы в ней, нержавеющей, все отражать, — / С сердца ржавчину счисть, и в пути ему милом Повлечется оно лишь к возвышенным силам»* [4, с. 549].

В разные времена и у разных народов зеркало символизировало различные явления и предметы. С древнейших времен с этим предметом связаны различные поверья, т.к. он олицетворял собой нечто магическое, противоречивое, некую размытость между миром реальным и миром потусторонним, с одной стороны, а с другой – между человеком, смотрящим на себя в зеркало, и его отображением. В культурах разных народов зеркало символизировало: отражение души (отсюда и выражение: «Глаза – зеркало души»); образ (отражение) мира; проявление Бога; свет, солнце; женское божество и т.д. Его использовали и в процессе различного рода мистических практик. Во времена Дж. Руми «зеркалом называли храм, и монахи, смотрящие на храм, видели в нем отражение божества» [3].

В-третьих, затруднительно сказать по каким причинам, А.Каргалый меняет местами действующих лиц: у него победителями в споре оказываются не византийцы (ромейцы), как представлено это в оригинале, а китайцы, которые вывешивают на стену зеркало и оказываются более искусными. У

Дж.Руми же византийцы тщательно и до блеска полируют потолок и стены так, что они отображают творение китайцев, словно зеркало.

В-четвертых, в отличие от оригинальной притчи Дж.Руми, в пересказе татарского автора царь заходит только к китайцам, чтобы оценить их искусство и удивляется тому, что на их стене нет никакого изображения. Они же в ответ просят снять завесу, отделяющую их от византийцев, и только после этого перед присутствующими открывается все великолепие отображаемой в зеркале картины, написанной византийцами: *Падишаһ айтә: “Гаҗәб бу сүзегез, Юк ич диварда һичнинди бизәгез”*. / *Болар айтә: “Сәнгәтебезне, һичшиксез, Пәрдәне алгач күрерсез... Шул чагында күтәрделәр пәрдәне, Ни күрерләр, күрделәр карты-яше*. / *Румлылар төшергән төрле бизәкләр, Ничәмәничә төс белән ясалган гүзәл кошлар*. / *Кытайлар диварында ап-ачык булып күренде, Шаһ белән карты-яше хәйран калды* [2, с. 39]. **“Удивительны речи ваши, На стене нет никакого изображения”**. **Те ответили: “Искусство наше оцените, приподняв завесу... В тот же миг завесу подняли, Представилось взору и стара, и млада. / Написанные византийцами множеством разных красок узоры и [немыслимой] красоты птицы / Отобразились ясно на стене у китайцев, Царь, и стар, и млад стояли изумленные**). Эпизод вхождения царя к византийцам у А.Каргальи как бы опущен.

И, наконец, нельзя не упомянуть еще об одном оригинальном моменте. В рассказе А.Каргальи китайцы и ромейцы в споре – кто из них лучший в искусстве, похваляются создать такое великолепие, в котором они бы превзошли царя Шаддада. Как известно, Шаддад – легендарный царь-деспот Южной Аравии, велевший возвести

дворцы с высокими колоннами и разбить сады Ирем, которые по его приказу должны были затмить райские сады. За высокомерие он и его сады были стерты с лица земли по повелению Аллаха. Это сравнение, несомненно, усиливает эмоционально-экспрессивный дух всего произведения; данное дополнение демонстрирует новаторский подход татарского поэта, его глубокие познания и осведомленность в коранических науках.

В этом небольшом по объему рассказе с незатейливым, на первый взгляд неискушенного читателя, содержанием, кроется глубинный философско-религиозный смысл. А.Каргальи, следуя традиции мусульманских авторов Востока, к основному рассказу добавляет свой личный комментарий, в котором открывает читателям истинную суть и мудрость рассказа. В этой заключительной части созидательная, внешняя деятельность (роспись на стене ромейцами) противопоставляется отображению в сердце мистика Аллаха и Его творения (выставление китайцами зеркала на стене). Сердце суфия, очищенное от всяческих земных пороков, страстей и собственного эго (*нафс*), словно зеркало, способно отразить совершенство Аллаха и красоту сотворенного Им мира. Таким образом, ромейцев А.Каргальи причисляет к *әхле захир* (представителям внешнего, явного), а китайцев – к *халь әһелләре* (обладателям особого экстатического состояния), или выражаясь иначе – к *ахл ал-батин* (представителям внутреннего, скрытого). Противопоставление этих двух групп пронизывает рассказ от начала до конца. По мнению автора, то, что с трудом и годами постигают первые (*әхле захир*), вторым (*халь әһелләре*) дается без приложения труда и каких-либо усилий, так как *халь*, как было упомянуто выше, является особым состоянием суфиев,

как Божественный дар, милость и благодать, которые Всевышний дарует сердцу своего слуги, вне зависимости от духовного борения или духовной стадии (*макамы*), которой он достиг. Кроме того, по учению суфиев к *ахл аз-захир* относятся те, вера которых сводится к исполнению религиозных предписаний, для которых доступно лишь «явное», «внешнее» в религии; *ахл ал-батин* – суфийские святые (*аулийа*), которым доступны сокровенные знания (*ал-хакáик*).

Высокопарно и одухотворенно звучат последние строчки произведения Дж.Руми «Искусство китайцев и искусство греков», которые также являются комментарием автора к притче. Персидский поэт приравнивает греков (ромейцев) к суфиям, которые, не прикладывая особых усилий, доби-

ваются победы в споре с китайцами: *«Искусство греков – путь суфийского ума, Непогруженного в прочтенье многих книг. Вне философских рассуждений бьет родник, Влюбленность в мир дая, где правит Красота! / Нет ни желаний, ни избытка в чистоте... Лишь отражение текущего Мгновенья, Наичестейшее, как первый миг творенья! Животворящее мир света в темноте...»* [1, с. 51].

Таким образом, А.Каргалый, опираясь на известную притчу Дж.Руми о споре ромейцев с китайцами, создал прекрасное поэтическое произведение с яркими суфийскими образами, мотивами и оригинальной авторской интерпретацией. Этот поэтический рассказ достоин занять видное место в литературной сокровищнице татарского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгое эхо Руми. Серия «Галактический ковчег». – М.: Феано, 2014. – 89 с.
2. Каргалый Ә. Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. – Казан: Казан ун-ның табгыханәсе, 1889. – 34 б.
3. Кротов Я. Богочеловеческая комедия. Эссе [Электронный ресурс] / Я.Кротов. – URL: http://krotov.info/yakov/history/13_moi/1215_amory.htm (дата обращения: 18.03.2015).
4. Низами Гянджеви. Собрание сочинений в пяти томах. Том пятый: Искандер-наме (в двух книгах). Перевод с фарси К.Липскерова. – М.: Худ. лит-ра, 1986. – 781 с.

Аннотация

В статье анализируется поэтический рассказ татарского поэта-суфия Абульманиха Каргалый «О скрытом смысле», который является назирой известной одноименной притчи Дж.Руми, вошедшей в «Маснави». Основное внимание в рассказе А.Каргалый уделено авторской интерпретации, отличительным и особенным моментам.

Ключевые слова: Абульманих Каргалый, суфизм, назира, спор ромейцев с китайцами, образ зеркала.

Summary

The article analyzes the poetic story of Tatar Sufi poet Abulmanikh Kargaly “About Hidden Meaning”, which is the nazira (form of literary imitation) of Dzh. Rumi’s well known eponymous parable, included to “Masnavi”. The main focus of the story of A. Kargaly is given to the author’s interpretation, distinctive and special moments.

Keywords: Abulmanikh Kargaly, Sufism, nazira, dispute between Romaioi and Chinese, mirror image.